

В этом году снег выпал слишком рано, и в нескольких местах разразились снежные бури. Чжуан Цзы, чиновник министерства финансов, ведающий амбарами, подал подряд несколько мемориалов с требованием к Вэй Чжану отдать приказ о помощи пострадавшим, однако Вэй Чжан даже не удостоивался отвечать на них.

Даже самые недалекие из чиновников видели, что император вовсе не желает тратить деньги на ликвидацию последствий стихийного бедствия: в императорской казните и так было кот наплакал, а если пустить эти деньги на помощь народу, то чем же тогда будет развлекаться пресветлый государь? Разве что этот нестигаемый дуболом Чжуан Цзы продолжал подавать прошения. У него был такой вид, будто он намерен подавать их до победного конца, пока император во Дворце Цзиньлуань не даст ему утвердительный ответ.

В конце концов Вэй Чжан тоже до смерти устал от этого. Он скосил глаза, поднялся на ноги и произнес зловещим тоном:

— Чжуан Цзы! Да ты, похоже, вздумал усесться ко мне на голову!

Чжуан Цзы с прямой спиной опустился на колени и с благородным видом заявил:

— Ваше Величество, ваш слуга вовсе не дерзает оскорбить вас. Просто беженцы заполонили всю страну, и это губельно как для государства, так и для простого народа. Ваш покорный слуга молит Ваше Величество издать указ о помощи пострадавшим от бедствия!

Сказав это, он тяжело стукнулся лбом о пол!

Во Дворце Цзиньлуань все затаили дыхание, боясь проронить хоть слово, и в мгновение ока в огромном зале стало слышно, как падает игла. Левый министр Фан Руи и министр финансов Сун Чжичжан переглянулись. Фан Руи вышел вперед и произнес:

— Ваше Величество, а ведь главный чиновник Чжуан говорит дело. Нынче зима выдалась ранней, простолюдины пострадали от снежной бури, и нам поистине подобает проявить милосердие и оказать им помощь.

— Чушь собачья! — яростно выругался Вэй Чжан. — Чжэньжэнь Наньхай сам только что говорил, что этот снегопад — предзнаменование великого благополучия!

Вэй Чжан насмешливо фыркнул:

— Когда у меня был день рождения, князь Су даже преподнес мне в дар белого оленя. Это же счастливый знак! Я получил мандат от Небес, а от какого-то снега разве может кто-то замерзнуть насмерть?

Слушавший эту тираду снизу Чжуан Цзы аж зашелся от гнева, на его лбу вздулись вены, и он

уже собирался подняться на ноги, чтобы обругать императора, как вдруг впереди кто-то встал.

Сюй Инбай заслонил Чжуан Цзы и произнес:

— Ваше Величество изволил выразиться верно. Казна пуста, и выделить средства на помощь бедствующим действительно не из чего.

Небо и земля слились в белоснежной пелене. Сюй Инбай спускался ступень за ступенью, преодолел длинный дворцовый коридор и лишь спустя долгое время вышел за воротники дворца. Ли Куайцзы, завидев его, тут же поспешил навстречу, смахнул с его плеч снег и набросил на него тяжелую лисью шубу.

Именно поэтому, услышав слова Фу Линъи, он даже усмехнулся и с немалым любопытством спросил:

— Кто? И что именно он сказал?

Чжуан Цзы в ярости воскликнул:

— А я-то полагал, что господин Сюй — благородный муж, но оказалось, что он тоже лицемер, готовый угодничать перед монархом и сбивать его с толку!

Фу Линъи, скрестив руки на груди, прислонился к повозке. Завидев приближающегося Сюй Инбая, он протянул руку, и Сюй Инбай легко коснулся его предплечья кончиками пальцев, опираясь на него при посадке в повозку.

Фу Линъи сидел на скамье в углу и ковырял кинжалом угли в жаровне.

— Так что же насчет помощи пострадавшим, Ваше Величество? — не унимался Фан Руи.

Жар от углей окрасил бледные пальцы Сюй Инбая слабым румянцем. Голос Фу Линъи звучал хрипло и холодно:

— Сегодня, когда я выходил из дворцовых ворот, я услышал, как кое-кто хулит тебя.

Чжуан Цзы задохнулся от возмущения и выругался:

— Подлец!

— Чиновник министерства финансов, ведающий амбарами, Чжуан Цзы, — сквозь зубы процедил Фу Линъи, и в его голосе звучала такая лютая злоба, будто в следующее мгновение

он был готов схватиться за нож и снести Чжуан Цзы голову. — Он обозвал тебя двуличным подлецом, что льстит государю и сбивает его с пути...

Придворные разошлись. Сюй Инбай неспешно повернулся: едва он переступил порог Дворца Цзиньлуань, как снег усыпал его плечи с головы до ног. Чжуан Цзы стоял впереди и с жгучей обидой смотрел на него.

Окружавшие их чиновники то и дело косились в их сторону. Чжуан Цзы со злости взмахнул рукавами и удалился, а Сюй Инбай взял у маленького евнуха зонт и раскрыл его, укрываясь от падающего снега.

— Сегодня он бранил меня еще и потому, что я не дал согласия на оказание помощи.

Сюй Инбай стоял на прежнем месте без движения, наблюдая, как разъяренный Вэй Чжан удаляется шагом.

Получивший возможность отступить Вэй Чжан остался чрезвычайно доволен:

— Цянь Сюй прав.

Вэй Чжан тут же гневно уставился на Фан Руи:

— Я ведь ясно сказал — это знамение благополучия! Какая еще помощь? Никакой помощи! Собрание окончено!

— ...Чжуан Цзы — человек, который может принести пользу, — видя, что Фу Линьби настроен кровожадно, Сюй Инбай не удержался и замолвил словечко за чиновника, чья голова висела на волоске. — Просто он еще слишком молод, нетерпим к злу и упрям до мозга костей, не умеет изворачиваться и угадывать чужие мысли. Если его закалить в течение пары лет, из него выйдет отличный чиновник.

Ни один из них не любил попусту болтать, поэтому внутри повозки внезапно воцарилась тишина — были слышны лишь потрескивание углей да скрип колес по снежному насту.

В повозке горели угли. Сюй Инбай сбросил тяжелую лисью шубу, и его янтарные глаза отражали багровые языки пламени.

Сюй Инбай, хоть его и обругали, вовсе не сердился. Он лишь мягко произнес:

— Господину Чжуану следовало бы выбирать выражения. Император премудр, разве кто-то способен льстить ему и сбивать с толку?

— К тому же, благодатный снег предвещает богатый урожай, это поистине счастливое знамение, — добавил Сюй Инбай. — Вот только снег этот выпал чуточку раньше обычного. Как полагает Ваше Величество?

Сюй Инбай не придавал этому никакого значения: за обе прошлые жизни его открыто и за глаза ругали бесчисленное количество раз.

— Он ведь тоже руководствовался добрыми намерениями. Ругает — так пусть ругает, от пары лишних слов ничего не изменится.

Фу Линъи умолк, на его лице застыло ледяное выражение. В его резких чертах лица не читалось ни единой эмоции, однако Сюй Инбай почему-то отчетливо уловил в нем досаду, обиду и горькую печаль.

Почему нынешний Фу Линъи стал таким непостижимым? Разница с прошлой жизнью поистине бросалась в глаза. Сюй Инбай нахмурился: разве не он сам в прошлой жизни бранил его с наибольшей яростью с самого начала?

Сюй Инбай ломал голову над разгадкой, и его взгляд невольно опустился на сидевшего на коленях Фу Линъи, который до побеления костяшек сжимал рукоять кинжала. При попытке заглянуть вглубь проблемы в голове внезапно запульсировала боль: в мгновение ока в череп будто вонзились тысячи стальных игл, и от этой острой боли Сюй Инбай невольно издал стон, прижал руку ко лбу и слегка сжался в комок.

— Ах... — он тяжело и глубоко задышал.

Сидевший рядом, похоже, испугался внеликого приступа боли у Сюй Инбая. Он резко схватил его за руку и с перепугу крикнул:

— Сюй Инбай!

Сюй Инбай переждал приступ. Его лоб и ладони покрылись мелкими капельками холодного пота от пережитой боли; дождавшись, пока она утихнет сама собой, он вытянул руку из ладони Фу Линъи.

— Пустяки, — голос его звучал спокойно. — Просто на мгновение прихватило старую головную боль.

Когда перед глазами прояснилось, Сюй Инбай заметил, что открытая половина лица Фу Линъи бела как бумага.

Сюй Инбаю отчасти захотелось усмехнуться:

— Болит-то не у тебя, с чего же лицо такое бледное?

Фу Линъи ничего не ответил. Опустив веки, он скрыл испуг, затаившийся на дне глаз, и впервые в жизни порадовался тому, что носит на лице полумаску — иначе Сюй Инбай непременно увидел бы, как от страха дрожат его зубы и губы.

К моменту прибытия в резиденцию Сюй проклятая боль почти утихла, хотя в голове всё еще немного шумело. Сюй Инбай, заложив руки в рукава, неторопливо вошел во двор, как вдруг на него бросился белый пушистый комочек.

— Учитель!!!

Сюй Инбай опешил, и Се Цзинвэй с разбега едва не сбил его с ног. Ребенок обхватил его за талию, уткнувшись лицом ему в грудь. Сюй Инбай с улыбкой сквозь слезы принялся трепать Се Цзинвэя по макушке и с досадой произнес:

— За кем это ты на сей раз увязался?

Се Цзинвэй гордо отрапортовал:

— Я за великими воинами увязался!

Некогда Сюй Цинцзы прислал письмо, в котором сообщил, что нашел для Сюй Инбая нескольких мастеров цзянху, и те уже прибыли в Даосский монастырь Сюаньмяо. К тому моменту Сюй Инбай уже сформировал Теневой Отдел: пусть масштабы его были невелики, но для работы хватало. К тому же люди из цзянху все же уступали в надежности собственным обученным телохранителям, поэтому он ответил Сюань Цинцзы письмом, что в этом нет нужды.

Кто же знал, что Се Цзинвэй увяжется следом за ними.

Се Цзинвэй радостно щебетал:

— Те великие воины такие хорошие! Сказали, что я им по душе, и даже сделали крюк, чтобы доставить меня в Чанъань.

— Ну ты и... — Сюй Инбай с досадой постучал Се Цзинвэя по лбу. — Непослушный мальчишка.

Се Цзинвэй прикрыл голову руками и обиженно заныл:

— Ученик ведь соскучился по учителю.

Фу Линъи стоял в стороне и наблюдал за трогательной возней наставника и ученика. В его глазах мелькнула зависть, но он тут же подавил ее усилием воли.

Он стоял неподалеку с ледяным видом. Се Цзинвэй, подняв голову и заметив возле Сюй Инбая окутанного зловещей аурой человека, испуганно отшатнулся на два шага назад. Охваченный страхом, он вцепился в полу одежды Сюй Инбая и настороженно воззрился на Фу Линъи.

Сюй Инбай одной рукой притянул Се Цзинвэя к себе и с невозмутимым видом произнес:

— Это мой телохранитель, он питается детьми. Если ты еще хоть раз ослушаешься, я велю ему настругать тебя кусочками и сварить в похлебке.

Се Цзинвэй недовольно засопел:

— Цзинвэй ни за что не поверит! Прадедущка говорил, что во всем монастыре Сюаньмяо учитель больше всех любит именно Цзинвэя!

У Фу Линъи задергалась жилка на виске: «.....»

Сюй Инбай затащил Се Цзинвэя в комнату, а тот липко цеплялся за руку своего учителя и наотрез отказывался отпустить.

Управляющий Лю в панике и суете пытался накинуть на этого маленького предка плащ, но Се Цзинвэй отмахнулся со словами «не нужно», за что тут же схлопотал от Сюй Инбая щелбан по лбу. Ли Куайцзы держал над этой парочкой зонтик, страшась, как бы холодный ветер и снег не коснулись их. Фу Линъи плелся позади всей процессии, позволяя снегу свободно усыпать его с ног до головы.

Когда шумная компания ввалилась в парадный зал, Фу Линъи на мгновение замер у порога, опустив глаза, после чего повернулся и направился в отведенный ему Сюй Инбаем флигель.

Он лег на кровать прямо в одежде, а пальцы его легко коснулись нефритовой подвески, лежавшей в изголовье — казалось, лишь так он мог обрести душевное спокойствие.

В темноте он закрыл глаза. Когда сон уже почти сморил его, в сознании внезапно вспыхнул и пронесся образ: бледное лицо Сюй Инбая и его выражение невыносимой боли, слившиеся воедино с воспоминаниями далекого прошлого... В тот день он вернулся назад и увидел, как бушуют волны, а над рекой поднимается свирепый ветер; одинокая фигура в окровавленных белых одеждах, словно порванный воздушный змей, рухнула с борта корабля!

Узрев эту сцену, он закричал так, что его глаза едва не лопнули от напряжения. Обезумев от горя, он бросился вперед, отчаянно пытаясь ухватить то мелькнувшее белое видение, но опоздал — человек скрылся в речной пучине, а водная гладь окрасилась огромными багровыми

пятнами...

Он не смог удержать Сюй Инбая.

А позже продажный император стал распространять слухи, и Сюй Инбай... покрыл свое имя вечным позором.

Ему не удалось сберечь для него даже последние крохи достоинства.

Фу Линъи резко сел на кровати, его глаза налились кровью, грудь тяжело и часто вздымалась, а исходившая от него смертоносная аура была столь тяжела, словно он только что явился из глубин подземного царства.

Его тело била дрожь от холода, зубы стучали, а лицо исказилось от боли. Прижав нефритовую подвеску к груди, он согнулся в три погибели и иступленно зашептал:

— ...Сюй Инбай...

Он смаковал эти три слога на кончике языка, одержимый демоническим безумием.

Бушевала метель. Фу Линъи, спотыкаясь, распахнул дверь. Снаружи расстилалась бескрайняя, ослепительно-белая снежная пустыня. Шагнув в эту слепящую белизну, он вдруг живо припомнил, как в прошлой жизни Сюй Инбай, закутавшись в толстую лисью шубу, стоял под галереей и наблюдал, как он упражняется с мечом.

В те дни Сюй Инбай был уже тяжело болен и сильно исхудал, однако его подавляющее присутствие никуда не делось. От него веяло суровым, ледяным холодом, и он вовсе не казался столь мягким и умиротворенным, как сейчас.

Тогда он рассекал мечом снег, и взметнувшаяся ци превращала вьюгу в клубящиеся облака.

Среди безмолвных небес и земли кружил одинокий сокол.

Закончив упражнение и опустив меч, он слышал слова Сюй Инбая:

— Когда дело на Юге завершится, я отпущу тебя на все четыре стороны.

Точно так же, как в тот день, когда Сюй Инбай играл в го с Мэй Юном и равнодушно бросил ему:

— По окончании дела — пусть идет куда глаза глядят, просторы мира необъятны.

Что же я тогда ответил? Фу Линъи отчаянно пытался вспомнить: кажется, он тогда согласился.

Как он мог согласиться?!

Как он вообще мог согласиться?!

— Я не уйду... — Фу Линъи, с глазами красными так, будто из них вот-вот брызнет кровь, бормотал себе под нос: — ...Сюй Инбай... я никуда не уйду.....

Едва договорив, Фу Линъи ощутил, как накатилась новая волна дикой, невыносимой боли. Он на мгновение замер, чувствуя, как тело покидают последние силы, мир перед глазами погрузился во мрак, и он рухнул в снежный сугроб.

<http://bllate.org/book/18659/1798851>